

Поэтические предтечи «русского космизма»

Т. В. Меньшиков

(Дмитровская гимназия «Логос»)*

Данная статья посвящена актуальной задаче: поиску следов отражения русского национального сознания в поэзии XIX–XX вв. Автор обращается к творчеству знаменитых русских поэтов как к одному из источников формирования важной философской идеи, получившей название «русский космизм».

Ключевые слова: национальное самосознание, природа, человек, космос, гармония, единство мира, самобытность.

Poetical Precursors of the «Russian Cosmism»

T. V. Menshikov

(Dmitrovskaja Gymnasium «Logos»)

Abstract: This article takes an actual aim at search for the trace of reflection of the Russian national consciousness in the poetry of the XIX-XX centuries. Author adverts to creative works of famous Russian poets as one of the sources of formation of the important philosophical idea known as «Russian cosmism».

Keywords: national consciousness, nature, person, cosmos, harmony, world unity, originality.

Отцом «русского космизма» принято считать Н. Ф. Федорова. Глубокий религиозный мыслитель, автор «Философии общего дела» распространил соборный дух русской философской мысли до вселенских масштабов, тем самым поспособствовал появлению научных гипотез К. Э. Циолковского и прорыву человечества в космическое пространство. Однако этого гениального прорыва могло бы не состояться, если бы он не соответствовал уникальному народному духу, как в зеркале отразившемуся в нашей поэзии. Русские поэты, запечатлевшие в своих стихах внутреннюю неудовлетворенность, постоянную устремленность к нравственному поиску, страдания души, жаждущей обрести высший смысл божьей правды, сделали большой вклад в развитие национального самосознания.

Осознание себя, своего места и роли в окружающем мире стимулировало обращение взглядов не только во внутренний мир человека, но и в мир космоса. Корни «русского космизма» как ощущение духовного единства всех частей мироздания имели свои ростки и в церковных стихах, и в светской поэзии XIX в.

В стихах Ф. Н. Глинки душа человека сливается с небесами:

Но вдруг раздвинул Кто-то мрачность —
И вот незримых голоса!
И, как с поднебьем вод прозрачность,
С душой слилися небеса.

«Прояснение» (1830-е гг.)

В этом слиянии души с небом угадывается великое связующее начало. «Кто-то», написанное с большой буквы, обозначает Бога. Присутствие Божественного Духа объединяет все сущее и в стихотворении И. С. Никитина:

Присутствие незримой силы
Таинственно скрывается во всем:
Есть мысль и жизнь в безмолвии ночном,
И в блеске дня, и в тишине могилы,
В движении бесчисленных миров,
В торжественном покое океана,
И в сумраке задумчивых лесов,
И в ужасе степного урагана...

«Присутствие незримой силы...» (1849)

* Меньшиков Тимур Владимирович – кандидат филологических наук, доцент Сергиево-Посадского гуманитарного института, преподаватель литературы Дмитровской гимназии «Логос». Тел.: 8 (222) 7-42-66. Эл. адрес: MaZdaI06@yandex.ru

Примечательно, что здесь одушевление неживой природы не является обычным для поэзии приемом олицетворения, а происходит от глубокой уверенности в том, что все в мире имеет одну живую душу. Подобное внутреннее убеждение обостряет образное видение и позволяет создавать необычные поэтические картины. Например, А. А. Григорьев изобразил дерево как равное себе существо:

Кудрявый мой тополь,
с тобой нам равно тяжело
Склонить и погнуть
перед силою ветра чело...
Но свеж и здоров ты, и строен и прям,
Молись же, товарищ, ночным небесам!
«Тополю» (1847)

Человек видит в дереве товарища, потому что тот тоже может чувствовать боль и страдание, у них одна живая душа. Кроме того, их объединяет общая молитва небесам. Таким образом, осуществляется внутренняя связь между человеком, деревом и космосом.

Взаимосвязь человеческой жизни и жизни космоса поистине русский, широкий размах получила в стихах А. К. Толстого:

По-прежнему сияет правды сила,
Ее сомненья больше не затмят;
Неровный круг планета совершила
И к солнцу снова катится назад...
«Я вас узнал, святые убежденья...» (1858)

Возвращение людей к правде, на путь, данный Богом, закономерно, как движение Земли вокруг Солнца. Более того, именно это вселенское движение и управляет стремлением человечества к свету, к добру, к счастью.

Ф. И. Тютчев, пожалуй, глубже других поэтов XIX в. осознал и прочувствовал единство души человека с космосом. Внимательно рассмотрел природу «космического чувства» поэт А. С. Дарский. Он писал: «Здесь (в стихотворении «Так в жизни есть мгновения...» — Т. М.) перед нами наличность признаков, заставляющих увидеть в данном состоянии несомненно выраженное космическое чувство.

1. Опорным пунктом чувства служат явления природы:

Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной...

2. Смысл происходящего переживания состоит в поглощении индивидуального сознания высшей и обширнейшей, блаженной эмоцией, у Тютчева названной «благодатью земного самозабвения».

3. Наступившее состояние сверхразумно и вследствие этого невыразимо в слове:

Их трудно передать...

4. Внутреннее изменение сводится к исчезновению с поля сознания обычного душевного содержания, которое рассматривается, как низшее в моральном отношении, причем душа возвышается к созерцанию совершенных ценностей:

Все пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко...

5. Чувство полнейшей удовлетворенности, безмятежной радости, в связи с потемнением светлой области сознания:

И любо мне, и сладко мне...
Дремотою обвеян я, —
О время, погоди!..

6. Расширение личного сознания до пределов универсальных:

И мир в моей груди». (Дарский, 1913: 118).

«Космическое чувство» в лирике Тютчева, по мнению Дарского, связано с возможностью души поэта созерцать, постигать широту мира и растворяться в нем. Для достижения максимально глубокого погружения

в окружающий природный мир необходимо отрешиться от «обычного душевного содержания» и дожидаться «потемнения светлой области сознания». С этим трудно не согласиться. Судя по стихотворениям «Вечер» (конец 1820-х), «Летний вечер» (1828), «Осенний вечер» (1830), «Вечер мгlistый и ненастный...» (начало 1830-х), «Тени сизые смешались...» (1835), «День вечерееет, ночь близка...» (1851), самым философски насыщенным временем суток для Тютчева были вечерние сумерки, когда все дневное, обычно суетное уходит и душа готова к восприятию вечности.

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот от чего нам ночь страшна!
«День и ночь» (1839)

Ночь устраняет преграду между человеком и космосом, открывает перед ним «бездну», и человек ощущает себя малой и хрупкой частичкой Вселенной, «беспомощным дитя», «мыслящим тростником», «ничтожной пылью». В ночном небе поэт «слышал» «роение» хаоса: «Мир бестелесный, слышный, но незримый, // Теперь роится в хаосе ночном...» («Как сладко дремлет сад темно-зеленый...», 1835).

В древней мифологии, знатоком которой был Тютчев, хаос — это бездна, наполненная туманом и мраком, откуда произошло все сущее. В. С. Соловьев усматривал в тютчевском хаосе «темный корень мирового бытия» (Соловьев, 2001: 114). Вслед за Соловьевым многие исследователи расценивали тютчевский образ ночного хаоса как некую враждебную для человека силу, которая противостоит дневной, живой природе. Однако это не объясняет пристального внимания поэта к «темной бездне». Тютчева притягивала тайна ночного хаоса, его недоступная человеческому пониманию загадочная сила.

В образном представлении поэта человек — это тающая льдина, которая плывет по реке жизни и в определенный момент просто растворяется, становясь общим потоком, сливаясь «с бездной роковой». Откуда и куда плывет эта река, человеку «не дано предугадать», поэтому хаос вызывает страх и может быть враждебен, но общение с ним неизбежно, считает Тютчев:

И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной .
.....
В душе своей, как в бездне, погружен ...
.....
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.
«Святая ночь на небосклон взошла...»
(1850)

Отрешившись от повседневного («И, как виденье, внешний мир ушел»), человек лицом к лицу остается с вечностью («пред пропастию темной»), которая была до его прихода в мир и будет после него. Он «немощен», так как не в силах ни понять, ни изменить вечного движения этой реки, которая кажется ему хаосом. Однако попытка определиться в хаотическом море приводит человека к необходимому погружению в глубины своего внутреннего мира («В душе своей, как в бездне, погружен»). Бездна ночного неба трансформируется в бездну души. Таким образом, общение с космосом стимулирует постижение человеком своего «я». Тайна «бездны» остается неразгаданной, но ощущение родственной бесконечности неба и души приводит человека к примирению с «чуждым, неразгаданным ночным», которое теперь воспринимается им как данность, как «наследье родовое». В приятии недоступного, высшего смысла бытия заключается особая мудрость выдающегося поэта. Космос — человек — Земля — неразделимое целое, проникнутое божественным духом — вот картина мира, созданная «изящно-дивными» красками настоящего, большого художника и мыслителя.

Близка тютчевской по духу, но отлична по некоторым мировоззренческим и художественным аспектам поэзия А. А. Фета. Если Тютчева пугал космический хаос, то у Фета ночь «нежит», окрыляет, делится с человеком своей тайной силой:

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство
с нетленной жизнью звездной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.
«Как нежишь ты, серебряная ночь...» (1865)

В мироощущении Фета космос не враждебен человеку, наоборот, он указывает ему путь высоких духовных устремлений.

И ночь и мрак уединенья —
Единый путь до божества.
«Нельзя» (1858)

Каждое звено, каждая отдельная часть мироздания у Фета спаяны между собой общей способностью чувствовать как живое существо. По справедливому замечанию Г. П. Козубовской, в фетовском космосе «реализуется закон мифологического бытия мышления — «все есть все», «все во всем» (Козубовская, 1994: 391).

Поэт очеловечивал природу:
Хоть не вечен человек,
То, чтоечно, — человечно.
«Цельный мир от красоты...» (1886)

Вечна не сама природа, а ее внутренняя красота. Именно она, в представлении Фета, и является той вечностью, которая обожествлялась поэтом.

Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.
«Пришла, — и тает все вокруг...» (1866)

Символом вечной красоты для Фета были ночные звезды. Звезды казались ему живыми существами, имеющими с человеком внутрен-

нюю, «задушевную» связь.

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звёзды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.
«Я долго стоял неподвижно...» (1843)

Молчали листья, звёзды рдели
И в этот час
С тобой на звёзды мы глядели,
Они — на нас.
«Молчали листья, звёзды рдели...» (1859)

О том, что Фету звезды представлялись не только символом красоты, но и существами одушевленными этой красотой, свидетельствует, например, его отзыв о Софье Андреевне Толстой (в письме к Л. Н. Толстому 19 ноября 1862 г.): «Какая кроткая прелестная женщина, точно вечерняя звезда между ветвями плакучей березы». В этом потрясающе художественном сравнении образ березы не случаен и таит в себе глубокий смысл. Деревья занимали очень важное место в фетовской картине мира:

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овены вдвойне, —
И землю чувствуют родную,
И в небо просятся оне.
«Заря прощается с землею...» (1858)

Очевидно, что Фету был знаком древний миф о мировом дереве, чьи корни символизировали подземный мир, ствол — земной, а ветви — небесный. Космогонические представления наших предков о единстве мира не только были известны поэту, но и являлись частью его собственного мироощущения. Будучи связующим звеном между небом и землей, дерево в поэзии Фета наделено человеческими мыслями и чувствами:

Стройный тополь стоит под окном,
Листья в воздухе все онемели.
Точно думы всё те же и в нём...
«Чем тоске и не знаю помочь...» (1862)

Следует особо отметить, что у Фета не дерево уподобляется человеку, наоборот, человек должен уподобиться дереву («Учись у них — у дуба, у березы»). Человеку еще нужно осознать свое место между небом и землей. Ногами стоя на земле и обращая свой взор в небо, «чуя жизнь двойную», человек становится частью единого целого и приобщается к мировой гармонии.

«Русский космизм», тесно переплетающийся с мировоззренческими особенностями русского национального сознания, вслед за Тютчевым и Фетом наполнила яркой художественной выразительностью и сделала достоянием всего цивилизованного человечества отечественная поэзия начала XX в. Особенно заметную роль здесь сыграло творчество Блока, Есенина, Заболоцкого.

В 50–70-е годы XX в. только лучшие представители русской поэзии, испытывая внутреннюю неудовлетворенность после утраты связи своего творческого мировосприятия с народным миропониманием, с природой, с космосом, с соборностью, с духовным единством мироздания, мучительно искали пути возвращения к идеалам русской классической поэзии.

Одним из самых наглядных тому примеров является жизненный и творческий путь Н. А. Заболоцкого.

Пройдя через увлечение авангардом, научно-атеистическим отношением к природе, идеями Циолковского, через сталинские лагеря, в конце жизни поэт вернулся к признанию духовного единства мира.

Последние стихотворения Заболоцкого отличаются классической ясностью и глубиной именно потому, что поэт смог воскресить в своем творчестве традиционное преклонение перед божественной гармонией природы.

И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет...
Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.

«Сквозь волшебный прибор Левенгука...»
(1948)

Прочитанные стихотворные строки в очередной раз указывают на предрасположенность русской поэзии к особому планетарному чувствованию и сознанию, возвращенному в лоне отечественной религиозно-философской мысли.

Таким образом, на основании проведенного в рамках данной статьи анализа можно прийти к выводу, что русская поэзия XIX–XX вв. одновременно и наравне с отечественной философией того же периода в творчестве лучших своих представителей с особой художественной силой выразила великий дух соборности и ощущение всеобщей одухотворенности космоса — те непреходящие ценности русского национального сознания, которые на современном этапе развития нашего общества крайне необходимы для дальнейшей жизнестойкости и сохранения культурной самобытности русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блок, А. А. (1960) Собр. соч. : в 8 т. М. — Л.
Глинка, Ф. Н. (1986) Соч. М.
Григорьев, А. А. (2001) Стихотворения. Поэмы. Драммы. СПб.
Дарский, Д. С. (1913) Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева. М. С. 118.
Есенин, С. А. (2000) Полн. собр. соч. : в 7 т. М.
Заболоцкий, Н. А. (2004) Стихотворения. М.
Козубовская, Г. П. (1994) А. А. Фет и проблема мифологизма в русской поэзии. СПб. С. 391.
Никитин, И. С. (1984) Соч. М.
Соловьев, В. С. (2001) Поэзия Ф. И. Тютчева // История русской литературы. М.
Толстой, А. К. (1981) Соч. : в 2 т. М.
Тютчев, Ф. И. (2003) Полн. собр. соч. : в 6 т. М.
Федоров, Н. Ф. (1906) Философия общего дела. Верный.
Фет, А. А. (1988) Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете. М.
Циолковский, К. Э. (1992) Живая вселенная // Вопросы философии. № 6.